

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2408-9303-2019-6-3-76-83
УДК 657(045)
JEL D81

Возникновение института частного финансового контроля Древней Руси

А.Е. Криони

ИП «А.Е. Криони», Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-5978-9809>

АННОТАЦИЯ

Поиск корней исторических институтов в глубокой древности – путь совершенно оправданный и необходимый. Однако иногда древнейшие по происхождению явления в новых условиях переживали настолько сильные трансформации, что их первоначальная характеристика не может быть обнаружена только за простым чтением исторических памятников права. Одним из таких феноменов нам представляется институт Древнерусского частного аудита, о присутствии которого в финансовой жизни славян и с наибольшей наглядностью можно говорить лишь после глубокого осмысления обычаев совершения торговых сделок. «Заклич», «Заповедь на торгу» в Оуставь Великого Князя Ярослава Владемерича о Судъхъ, статья 27 раздела «О челядинь» в Правда Роуская – по своему содержанию перечисленные акты и аналогичные им положения, входящие в Свод торгового права, – все они описывают процедуру, без которой становится совершенно невозможным допустить мысли, что частный контроль в Древней Руси не существовал.

Ключевые слова: внешний аудит; бухгалтерский учет; предпринимательский риск; детективный аудит; оценка опыта; деловая репутация; оценка деловой репутации; факторная модель

Для цитирования: Криони А.Е. Возникновение института частного финансового контроля Древней Руси. *Учет. Анализ. Аудит.* 2019;6(3):76-83. DOI: 10.26794/2408-9303-2019-6-3-76-83

ORIGINAL PAPER

The Genesis of the Private Financial Control in Ancient Russia

A.E. Krioni

Sole proprietorship “A.E. Krioni”, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5978-9809>

ABSTRACT

To search the roots of historical institutions in deep antiquity is a way which is completely justified and even necessary. However, it so happens that sometimes under new conditions even the most ancient phenomena undergo such strong transformations that their initial characteristics could not be found by simple reading of historical documents of law. One of these phenomena, according to the author, seems to be the institute of the Old Russia's private audit to be visibly found in the financial life of the Slavs after a deep examination of trade customs and traditions of making deals. Such acts as “Zaklich”, “The Commandment on Bargaining” in Oustav of the Grand Prince Jaroslav Vlademerich of Sudh, article 27 of the section “On Chelyadins” in Pravda Rouskaya and similar provisions included in the Code of Trade Law describe the procedure which makes us admit that private control in Ancient Russia existed.

Keywords: external auditing; Accounting; business risk; detective auditing; experience evaluation; business reputation; evaluation of business reputation; factor model

For citation: Krioni A.E. The genesis of the private financial control in Ancient Russia. *Uchet. Analiz. Audit = Accounting. Analysis. Auditing.* 2019;6(3):76-83. (In Russ.). DOI: 10.26794/2408-9303-2019-6-3-76-83

ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем говорить о месте частного контроля в Российском финансовом праве, представляется необходимым определиться с понятийным аппаратом, уяснив, что же мы понимаем под термином «частный», говоря об услуге контроля, а также найти исторические предпосылки выделения частной формы аудита в ее обособленную категорию, в ее отдельный вид. По этой причине мы решили расширить наши исследования и начать свой обзор с истории становления частного финансового контроля Древнерусской цивилизации, о возрасте которого, при всех спорах и неясностях, можно сказать достоверно одно — в IX в. государственность, а значит, вместе с ней и финансовые институты у восточных славян уже существовали¹.

В научной литературе вопросы о частном характере хозяйственного контроля, имевшем место в древнерусском государстве, освещены слабо или не нашли достаточного освещения. Свод Древнерусского права прямого ответа на этот непростой вопрос также не дает. Вероятно, по той причине, что изменения, касающиеся как формы, так и содержания частного предпринимательского права в раннефеодальной Руси, были не слишком явными, неочевидными и скоротечными.

Соотношение и разграничение частного и публичного интереса в экономической науке представляют собой долгую историю, а попытки выявить критерии их отличия предпринимались учеными в течение не одного века. Исторически различие частных и публичных интересов основывается на традициях римского права², а именно разделяется по характеру проявления их в общественной жизни граждан. Правоведы обычно ссылаются на труды римского юриста Ульпиана, жившего на рубеже II и III столетий нашей эры, т.е. за три столетия до по-

явления первых упоминаний о склавенах³. Один из фрагментов в его сочинениях, включенный в первый титул первой книги «Дигест» римского императора Юстиниана, содержит рассуждения о правосудии и праве и звучит он приблизительно так: «Изучение права распадается на две части: публичное и частное. Публичное право есть то, которое относится к положению Римского государства, тогда как частное относится к пользе отдельных лиц» [1]. Нетрудно в этих рассуждениях заметить, что мыслители Древнего Рима имели вполне определившееся представление о разнице в положении государства и положении отдельных частных лиц, причем нормы права частного, регулировавшие отношения между гражданами Римской империи, назывались, гражданскими, а вся система — *ins civile*. Из рассуждений Ульпиана видно, что для частного права характерна диспозитивность правил, в то время как публичному праву присущи императивные права. Получается, что «частное предпринимательское право» — это часть общего императивного права, которое регулирует прежде всего экономические и имущественные взаимоотношения частных лиц. Отсюда, экономические отношения продавца и покупателя строятся всецело на их частных интересах и реализуются к их обоюдной пользе на основе личной воли каждого, т.е. носят диспозитивный характер.

Следуя традициям римского права, современное российское гражданское законодательство не обошло вниманием частную деятельность предпринимчивых в хозяйственном отношении граждан. Исходя из ст. 2 ГК РФ, индивидуальное, т.е. частное предпринимательство, представляет автономную, осуществляемую на свой риск экономическую деятельность, цель которой — систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в установленном законе порядке. С другой стороны, частные предприниматели не могут обойтись в своей деятельности без императивных норм, т.е. без государственных запретов, в известной степени ограничивающих самостоятельность и добрую инициативу участ-

¹ С. В. Юшков указывает на ряд политических образований, которые появились накануне Киевского государства. Это известные Куявия, Славия и Артания, располагавшиеся в Киевской земле, по озеру Ильмень и на таманском полуострове, приблизительно в VIII в. (См.: Юшков С. В. Указ. соч. С. 12; Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: 1953. С. 526). Е. А. Рыбаков полагает, что о Киевском государстве можно говорить уже с самого начала IX в.

² Начиная с III века до н.э. римские управляющие назначали квесторов, магистратов и чиновников казначейства, обязанных контролировать бухгалтерию всех провинций и отчитываться устно о выполненной работе. Поэтому можно считать, что употребление слов «аудит» и «аудитор» также относится именно к римской практике.

³ наших предков середины I тысячелетия источники называют по-разному. Впервые термин «славяне» встречаем у историка VI в. Иордана, причем он называет «склаветов» также антами и венетами. Наряду с этим, византийские авторы VI–VII вв. различают антов и славян, хотя и отмечают, что они говорят на одном языке. (См.: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит.; 1984. С. 9).

ников имущественных отношений. В любой сделке одна из сторон выглядит всегда экономически более слабой, чем ее контрагент. А это значит, что с учетом своего менее выгодного положения она более другой заинтересована в смещении чаши весов в сторону справедливости, что без административного принуждения осуществить бывает очень затруднительно.

Профессор С. С. Алексеев, исследуя феномен «частное право» от древности до наших дней, приходит к выводу, что не было, нет и не должно быть такого нормативного акта, «который воплощает частное право, так сказать, в чистом виде. Такого чисто гражданского закона в истории права не было, его нет сейчас, и не будет в будущем...» [2]. То есть при всей декларативности принципов справедливости и равенства сторон преимущественное положение в хозяйственных отношениях занимают не императивные предписания и даже не личная воля предпринимателей, а юридические дозволения сторонам проявлять волю сообразно собственным экономическим интересам и государства для систематического получения прибыли.

Под «частными услугами» мы понимаем предпринимательское пространство с абстрактными границами финансово-хозяйственного влияния и относящееся к той части предпринимательского сосуществования, которое на всех языках называется профессиональной индивидуальной занятостью, — это зона неприкосновенная, хранящая личную профессиональную тайну, навыки и знания предпринимателя, и представляющая возможность их обладателю открыто, свободно, но не бескорыстно, выражать окружающим мнение по вопросам, входящим в сферу его профессиональной компетентности. Естественно, заключенная внутри себя эта свобода, не может быть запертой на замок и обнесена глухим забором. Вопреки частной жизни личности, институт частного финансового контроля постоянно подвергается регулярной атаке на прочность как со стороны предпринимателей, так и со стороны подчиненной власти.

Личное профессиональное пространство древнерусского частного аудитора тоже необходимо было защищать от напора извне. Начиная с IX–X вв. все проявления нашей русской частной культуры финансового контроля и по настоящие дни несут этот отпечаток двойного конфликта, который и сегодня проявляется все острее. И если мы ретроспективно прослеживаем воззрение современных ученых-экономистов, то часто находим в одних и тех же

теоретических представлениях о деятельности внешнего аудита вовсе противоречивые элементы. Так, с одной стороны, усиливается роль и влияние общественных институтов внешнего контроля, действующих в форме экспертных и аудиторских объединений и сообществ, в то же время сохраняется тенденция по последовательному вдавливанию западного опыта в отечественную культуру частного аудита; при этом принципы независимости и объективности ведения аудита подменяются пустыми ритуалами или вовсе забываются. Но и это еще не все. Борьба двух видов финансового контроля выступает в современной экономической теории не как временная противоречивость, требующая методического урегулирования и адаптации к российским условиям, но как ошибочная попытка столкнуть две принципиально-противоположные формы финансового контроля — внешнюю и внутреннюю. Огромный потенциал внешнего финансового контроля раскрывается только через личную (частную) предпринимательскую свободу и финансовую независимость частного аудитора от аудируемого лица, что при абсолютном следовании международным стандартам в отечественной экономике сделать представляется с огромным трудом.

СВОД ДРЕВНЕРУССКОГО ТОРГОВОГО ПРАВА

Все противоречия и сложности хозяйственного взаимодействия сторон в торговом праве отражаются в терминологии законодательства своей эпохи. Но существовало ли Древнерусское предпринимательское право? Нужно полагать, что «да». Потому что право возникает одновременно с государством и Древнерусское право не является здесь исключением. Следовательно, хронологические рамки предпосылок к возникновению частного финансового контроля также становятся ясны с момента их обнаружения в источниках древнерусского права, которых мы насчитали всего семь:

- Договор Русских с Греками при князе Олеге, 911 г.
- Договор Русских с Греками при князе Игоре, 945 г.
- Русская Правда (список академический).
- Устав князя Ярослава Владимировича о судах. Суд о душегубстве. Правда Русская (список карамзинский).
- Дополнительные статьи Русской Правды из других списков.

- Псковская Судная Грамота (1397–1467).
- Новгородская Судная Грамота (1471 г.).

Конечно, говорить о Своде Древнерусского торгового права как о систематизированном собрании правовых норм нужно в весьма условном смысле. Никакой последовательности в привычном для современного юриста изложении норм в Русской Правде нет. Между тем в некоторых статьях присутствуют процедуры, указывающие на существовавший контроль в хозяйственных отношениях сторон сделки (см. таблицу).

Например, в источниках неоднократно встречаются нормы о лицах, наделенных полномочиями контроля и сопровождения договоров купли-продажи. И ключевые слова здесь — ни деньги, ни выгода или имущественный расчет, а почетный гражданский статус свидетеля будущей сделки — *послуха*⁴, это высокое, приличествующее порядочному человеку высоконравственное право свидетельствовать перед покупателем вещи о доброй воле ее продавца.

На наш взгляд, процедура освидетельствования послухами — важная и совершенно недооцененная современными исследователями часть Древнерусского торгового права. Полагаем, что именно предусмотренный законом институт послушества, основанный на национальной идее презумпции добропорядочности сторон сделки, дает самые убедительные основания говорить об обнаружении в Древнерусском своде первых признаков зарождения частной аудиторской деятельности. Деятельность эта напрямую следовала из умения сведущего в таких делах специалиста применять специальные знания и навыки, одним словом, она исполнена необходимостью проявить общественно-полезную обязанность по проверке контрагентов. Боязнь общественного осуждения⁵ в недобросовестности и предвзятости играла важную роль в частных сделках, а высокий статус послушества, вероятно, выступал таким га-

⁴ Послухом может быть только человек свободного состояния, в исключительных случаях, когда свободных людей не было, принималось свидетельство холопа высшего рода (управляющего боярским двором). Допускалось при незначительных делах принимать свидетельства заемщика (закупа). См. ст. 77 О послушестве. *Правда Русская*. с. 62.

⁵ О значимости репутации в крестьянской среде свидетельствует, в частности, наличие многочисленных заговоров «на почет» или «на любовь всех людей» в дополнение к заговорам «на подход» к судьям или начальству и к традиционной любовной магии. См.: Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. Аникин В.П., ред. М.; 1998. С. 379–381; Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забытым. М.; 1992. С. 317.

Таблица / Table

**Сравнительная таблица и указатель статей
Свода древнерусского торгового права,
относящихся к частному аудиту (частному
финансовому контролю) / Comparative
table and index of articles of the Code of
Old Russian Trade Law relating to private
auditing (private financial control)**

Правовой источник и объект исследования / Legal source and subject of study	Статья / Article
Договор Олега	
О наследстве	13
Договор Игоря	
О посольстве Руссов в Царьграде и правах торговли там	2
Русская Правда (список академический)	
Суд общины по гражданским искам	14
Послухи	28
Договоры: купля-продажа, заем	14
Русская Правда (список карамзинский)	
Суд общины по гражданским искам	115
Заклич, заповедь	27, 29, 123
Послухи	15, 17, 45–48
Взаимное отношение между судебными доказательствами	17, 24
Договоры: купля-продажа, заем	44, 45, 47–69
Форма совершения договора перед послухами	34, 36, 44–47, 119
Псковская Судная Грамота (1397–1467)	
Послушество	21–24, 25, 27, 117
Формы процесса. Заклич. Свод	39, 44, 54
Условия послушества	22, 23
О состязательности послухов	24
Купля-продажа	46, 47, 56, 106, 114, 118
Новгородская Судная Грамота (1471)	
Послушество. Доказательство различие послухов от остальных свидетелей	22
Процедура вызова послуха с суд	23
Опослушествование, т.е. показание послуха против истца по уголовному процессу	36

Источник / Source: разработано автором / developed by the author.

рантом презумпции добропорядочности сторон и воспринимался в небольших поселениях так же, как сейчас мы привыкли воспринимать слово частного нотариуса, заверяющего своей подписью и печатью действительность коммерческой сделки.

Полагаем, что господство частных контрольных начал в экономической жизни Древней Руси произошло вместе с появлением института послушества и неразрывно связано с ним. В дальнейшем исследовании именно эту модель мы и будем последовательно применять к реалиям частной предпринимательской жизни славян, новгородцев, псковичей⁶, к их обычаям делового оборота, относящимся к VIII–XIII вв.⁷, т.е. более чем к пятивековому периоду времени, тогда как обрядность и порядок в совершении торговых сделок последовательно развивались в сторону устойчивых и удобных для всех сторон внешних и внутренних форм хозяйственного контроля, вплоть до наступления эпохи политической раздробленности (XII в.) [9].

В этом случае мы исходим из предположения, что развитие товарно-денежных отношений в древнерусском государстве неизбежно и активными темпами ведет к необходимости покупателя и продавца заблаговременно проверять дееспособность друг друга. Конечно, чтобы доказать этот довод, понадобился хотя бы один правовой источник, а также доказательство многократного и продолжительного его применения в быту. В действительности же статистика предоставляет нам для анализа всего несколько статей, истолковав которые, можно обнаружить только косвенные причины необходимости проверки сделкоспособности покупателя. И теперь, чтобы подтвердить или опровергнуть высказанные выше догадки, попробуем в общих формах выстроить причинно-следственную связь, о которой и пойдет речь ниже.

ИНСТИТУТ ПОСЛУШЕСТВА

В наших следующих рассуждениях мы будем отталкиваться от того логичного допущения, что

⁶ В начальный период истории Древнерусского государства именовали обычно по названиям племен (или племенных союзов), в которые они объединялись, — поляне, древляне, кривичи, вятичи, росы (русы) и пр. О росах в VI веке говорит Псевдо-Захария (см.: Греков Б.Д. Киевская Русь. М.; 1953. С. 520), позже — Масуди, Ибн Хордадбе и др.

⁷ Наиболее крупное по объему исследование истории Древнерусского государства принадлежит Б.Д. Грекову, который считал, что первые части Древнейшей Правды относятся к VIII–IX вв. (см.: Греков Б.Д. Киевская Русь. М.; с. 82, 90).

всегда и везде частной сделке между продавцом и покупателем предшествовал самостоятельный соучастный контроль независимого специалиста, предвестника современного частного аудитора, действующего в целях укрепления силы сделки [6].

На самом раннем этапе развития частного аудита (VIII–XII вв.) не существовало никаких прямых указаний в законодательных актах, которые бы раскрывали порядок проведения частного финансового контроля. Между тем, из анализа ст. 77 Русской Правды «О послухах» можно заключить о двух основных требованиях, которые законодатель предъявлял к послуху: свидетелем сделки мог быть человек свободный и привлекаться к делу в случае необходимости. Поэтому у послуха не могли возникнуть вопросы относительно дееспособности продавца вещи и ее покупателя и в связи с этими очевидными обстоятельствами послух должен был задать продавцу как минимум два вопроса: является ли тот собственником вещи? из какого он был города? Ну, а чтобы получить такую информацию, ее нужно было уметь найти, собрать и, конечно же, проверить.

Первыми источниками русского вещного права, вероятно, являются тексты договоров Древней Руси с Византией (911, 945 гг.). В Договоре Русских с Греками при кн. Олеге, 911 г. ст. 13 встречается упоминание об обязанности товарищей умершего в Греции доставить домой и передать наследникам умершего все принадлежащее ему имущество; в ст. 2 Договора Русских с Греками при кн. Игоре, 945 г. раскрывается положение «О посольствъ Руссовъ в Царьградъ и права торговли их там».

Основным правовым документом того времени считается Русская Правда, которую еще часто именуют как Свод частного права, где все его субъекты являлись физическими лицами и, следовательно, торговые сделки также были частными. Дореволюционные исследователи Правды рассматривали памятник вообще как частный кодекс⁸. Так, Н.В. Калачов относительно происхождения Правды писал, что это частный сборник законов, обычаев и судебных решений, размещенных без особой

⁸ На этом месте дальнейший поиск свидетельств проявления частного характера финансового контроля в древнерусском финансовом праве можно было бы прекратить и сразу перейти к поискам статей, в которых он упоминается; ведь, если все без исключения нормы в Древнейшей Правде частные, а противоположных мнений ученых нам обнаружить не удалось, то и нормы торгового права, а с ними и финансового контроля тоже были частными.

системы [4]. Значительный опыт изучения текстов Правды принадлежит С.В. Юшкову, который в своих работах, посвященных проблематике Правды, видел и характеризовал ее тоже как частный сборник права⁹. В этой связи хотелось бы отметить точку зрения Т.В. Кашаниной, считающей, что нормы Русской Правды подобраны аналогично приемам построения трактатов в римской юриспруденции, где просматривается склонность к объяснению и оправданию принимаемых санкций, и, надо полагать, широкому толкованию некоторых правовых норм, что справедливо, так как этот способ построения правовых норм — гипотеза, диспозиция, санкция — заимствован также из римской юриспруденции¹⁰.

В ст. 14 Пространной редакции Русской Правды впервые выделяются вендикационные (вещные) иски, называемые Свод¹¹, т.е. возникающие из договоров между владельцем спорной вещи и ее покупателем — человеком, у которого находится спорная вещь. «Эти люди, стоявшие у сделки, не свидетели, а лица, призванные к акту. Они своим присутствием не просто удостоверяют факт. «Их присутствие, — писал Н.Л. Дювернуа¹², — сообщает юридическую силу таким действиям, которые без того остались бы просто фактом. Без этих свободных послухов нет никакой сделки, никакого иска». Любопытно, что эта же статья применялась по аналогии с уголовными делами, для разрешения которых «послухи должны рассудить» [6]. Послухи¹³ — это комиссия судей из 12 свидетелей заключения сделки. Справедливо заметить, что отсылка в ст. 14 Русской Правды о праве свидетельствовать сама по себе не может являться доказательством того, что в обязанность комиссии двенадцати вменялась проверка

делкоспособности¹⁴ хозяина вещи или ее покупателя. Однако любопытно содержание следующей за ней ст. 33 Русской Правды «О татьбе», в которой раскрывается два вида договора купли-продажи движимой вещи¹⁵ — когда продавец может доказать, что он является собственником вещи, и когда он не может доказать право собственности на вещь. Если договор совершается в отношении движимой вещи, продавец которой собственником не является, то купля-продажа совершается перед двумя свидетелями или мытником¹⁶. Иначе, договор «разрушается», т.е. становится недействительным. А далее К.А. Неволин разъясняет: «Если покупщику движимых вещей известно, что продавец имеет право собственности на них, то договор без всякого сомнения мог бы быть совершаем и без участия свидетелей» [3]. Здесь ключевое слово «известно», указывая на которое мы можем сказать, что в практике заключения договоров купли-продажи движимых вещей, вероятно, существовала специальная процедура, при которой покупатель, не уверенный в происхождении вещи, и чтобы избежать в будущем «разрушения» договора, выяснял через послуха, является ли продавец собственником вещи или нет.

Конечно, не стоит считать ст. 14 и 33 Русской Правды безусловным доказательством появления частного аудита (частного финансового контроля), ведь в них идет речь не о прямой проверке предпринимательской дееспособности (делкоспособности) покупателя или продавца, а, скорее, впервые на законодательном уровне утвердились особенности установления делкоспособности предпринимателя, характерные для торговых и имущественных сделок в настоящее время. С другой стороны, что еще могло так способствовать возникновению предварительного финансово-хозяйственного контроля как не перспективы послухов нести ответственность за ненадлежащее исполнение своих обязанностей по сопровождению сделки? «Первоначальный вид послушества при сделках, — полагал Н.Л. Дювернуа, — несомненно, составляло свидетельство всей общины. На нем должна была покоиться непререкаемая сила акта, как в отношении к его действительности, так и в отношении к его содержанию». Послук

⁹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература; 1984. 432 с.

¹⁰ Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы. Учебное пособие. М.: Юрист; 1999. 224 с.

¹¹ Свод — форма гражданского процесса, при котором каждый владелец вещи, на которого указывает предыдущий, сознается, что он действительно продал вещь.

¹² Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий. М.: РАП, Издательская группа «Юрист»; 2009. 320 с.

¹³ Послухом может быть только человек свободного состояния, в исключительных случаях, когда свободных людей не было, принималось свидетельство холопа высшего рода (управляющего боярским двором). Допускалось при незначительных делах принимать свидетельства заемщика (закупа). (См. ст. 77 «О послушестве». *Правда Роуская*. С. 62).

¹⁴ То есть способность отвечать за гражданские правонарушения (деликты).

¹⁵ В понятие движимых вещей не входили холопы и, вероятно, лошади.

¹⁶ Мытник — чиновник, сборщик торговой пошлины (мыть) в пользу князя.

в понимании Н.Л. Дювернуа, не просто свидетель доброй славы, на чем сходятся многие исследователи юридического быта Древней Руси, но, прежде всего, борец за право и за правду, против неправды. Его миссия состоит в том, чтобы свидетельствовать в пользу одной стороны, в правоте которой он уверился, а не только в поддержке ее притязаний в данном деле. Послушество имеет значение поддержки самого существа права, которое выводится на суд.

В Русской Правде встречаются случаи, в которых участниками гражданско-правовых отношений являлись добрые люди — послухи или свидетели сделки. Больше всего внимания свидетелям уделено в договорах займа, но также их присутствие встречается и при оформлении договоров купли-продажи, хранения, личного найма и наследования. Вот некоторые из обнаруженных доказательств:

- Свидетельство о действительности сделки в договоре займа (например, в ст. 45 Русской Правды «О купце» говорилось: «...то купцу предъ послухы кунъ не имати...»). Присутствие послуха не требуется, если договор заключается людьми торгового звания. Мера направлена на упрощение процедуры совершения сделок и, очевидно, была вызвана необходимостью увеличения торгового оборота. Позднее она нашла отражение в ст. 38 Псковской Судной Грамоты [5].

- Свидетельство действительности сделки в договорах роста¹⁷ (например, в ст. 47 Русской Правды «О резомстве» встречается: «...то послухи ему наставити: како ся съ нимъ боудеть рядиль, такоже ему имать»). Порядок займа перед свидетелями — послухами [8]. Любопытно, что при совершении договора займа на сумму менее трех кун присутствие послухов уже не требовалось.

В Мирной грамоте Новгородцев с немцами 1195 г. процедура заверения сделкоспособности сторон заметно легче. Этот вывод следует из упрощенных требований, применяемых к порядку сбора доказательств по торговым (гражданским) делам [8]. Так, в случае возникновения хозяйственного спора процедура его разрешения требует показаний не семи, а всего двух послухов со стороны немцев (иногородцев) и двух свидетелей со стороны новгородцев. Или бросается жребий, кому целовать крест, и кто

поцелует крест, тот возьмет то, на чем целовал крест. Но жребий решает не сущность тяжбы, а то — кому следовало предоставить присягу, которая и считается высшим средством доказательства в торговых делах.

Большинство сделок совершались внутри города съ его округомъ («землею»), и продавец с покупателем знали друг друга. Если покупатель движимых вещей был из другого города (немец), и, следовательно, ему не известно, что продавец имеет право собственности на них, то формальную сделку заменяла процедура, при которой договор утверждался при двух свидетелях или мытнике [4]. Вне города для совершения сделки свидетельства послухов уже не требовались, а ответственность иноземного купца за возникший по договору долг распространялась только на его имущество, при этом арест не допускался «...Немчина не сажати въ погребъ Новгороде, ни Новгородца въ немчехъ; не емати свое у виновата» [5]. Следовательно, послух собирал доказательства о дееспособности продавца только в пределах границ города и округа (в котором могли быть и другие города — пригороды).

Последнее упоминание в Своде о послухах встречается в Псковской Судной Грамоте. Н.Л. Дювернуа¹⁸, анализируя ст. 20–24 этого документа, выделяет три признака института послушества: 1) послух только тот, на кого ссылаются стороны; 2) кто самостоятельно инициировал иск; 3) кто подтверждает все факты и обстоятельства по делу, а не какую-нибудь его часть, как, например, свидетель. И справедливо добавляет, что «...этот вид послушества, не есть уже послушество Р. Правды»... «Он, конечно, есть поздний остаток древнейшей формы свидетелей — очистников, пособников». Таким образом, первый этап древнерусского частного финансового контроля был отмечен датой появления Правды Русской (1016 г.), а его окончание 1397 г., датой принятия Псковской Судной Грамоты [9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно сделать вывод об обнаружении в Древнерусском государстве института частного финансового контроля. Вероятно, его источником были обычаи примирения — этот традиционный элемент культуры, свойственный

¹⁷ Предметом договора Роста были не только деньги, но и другие движимые вещи — медь, хлеб, животные, сено и пчелы. Отсюда термины *привязка*, *присопъ* и *приплод*. Рост денег назывался *резом* (от слова «резать») и совершался исключительно формальным порядком, т. е. перед свидетелями (*послухами*).

¹⁸ Н.Л. Дювернуа выдающийся русский историк права. Провел фундаментальное исследование происхождения и развития послушества. Согласно его версии термин «послух» происходит от русского слова «слатися», т. е. лицо, на которое «шлются, ссылаются в процессе стороны».

русскому народу, особенно его феодально-независимой крестьянской части. Вполне определено фиксируются предпосылки частного вещного контроля сделок, совершаемых между торговым людом как внутри общины, так и с иноземцами. В зависимости от стоимости вещи или размера займа для проверки сделкоспособности покупателя привлекали послухов, которые одновременно

являлись свидетелями и судьями. Наконец, можно говорить о традициях российского внешнего частного аудита в его историческом аспекте. Например, о деятельности органов народного контроля в советский период, что важно, поскольку поворот к историческому опыту и его осмысление позволяют надеяться на успех в поиске эффективного средства развития внешнего аудита и в наши дни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. М.: Госюриздат; 1956. 101 с.
2. Алексеев С. С. Частное право. М.: Статут; 1999. 57 с.
3. Неволин К. А. Полное собрание сочинений К. А. СПб.: Тип. Эдуарда Праца; 1857. 446 с.
4. Калачов Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. СПб.: Типо-лит. А. Е. Ландау; 1880. 305 с.
5. Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Киев; СПб.: Тип. С. В. Кульженко; 1887. 248 с.
6. Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. М.: Зерцало-М; 2014. 320 с.
7. Лихачев Д. С., Дмитриева Л. А., Алексеева А. А., Поньрко Н. В. Библиотека литературы Древней Руси (XI–XII века). СПб.: Наука; 1999. 555 с.
8. Лихачев Д. С., Дмитриева Л. А., Алексеева А. А., Поньрко Н. В. Библиотека литературы Древней Руси (XIII век). СПб.: Наука; 1997. 527 с.
9. Лихачев Д. С., Дмитриева Л. А., Алексеева А. А., Поньрко Н. В. Библиотека литературы Древней Руси (XI–XII века). СПб.: Наука; 1997. 413 с.

REFERENCES

1. Pereterskii I. S. Digest of Justinian. Moscow: Gosyurizdat; 1956. 101 p.
2. Alekseev S. S. Complete works. Moscow: Statut; 1999. 57 p.
3. Nevolin K. A. The complete works of K. A. Nevolin. St. Petersburg: Printing office of Eduarda Praca; 1857. 446 p.
4. Kalachov N. V. Preliminary legal information to fully explain the Russian Pravda. St. Petersburg: Tipo-lit. Landau A. E.; 1880. 305 p.
5. Vladimirskii-Budanov M. F. A reader on the history of Russian Law. Kiev, St. Petersburg: Printing office of Kul'zhenko S. V.; 1887. 248 p.
6. Dyuvernuia N. L. Readers on Civil law. Moscow: Zercalo-M; 2014. 320 p.
7. Lihachev D. S., Dmitrieva L. A., Alekseeva A. A., Ponyrko N. V. Library of Ancient Russia (XI–XII centuries). St. Petersburg: Nauka; 1999. 555 p.
8. Lihachev D. S., Dmitrieva L. A., Alekseeva A. A., Ponyrko N. V. Library of Ancient Russia (XIII century). St. Petersburg: Nauka; 1997. 527 p.
9. Lihachev D. S., Dmitrieva L. A., Alekseeva A. A., Ponyrko N. V. Library of Ancient Russia (XI–XII centuries). St. Petersburg: Nauka; 1999. 413 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Евгеньевич Криони — руководитель, ИП «А.Е. Криони», Москва, Россия
krioni@krioni.com

ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr E. Krioni — Head, Sole proprietorship “A.E. Krioni”, Moscow, Russia
krioni@krioni.com

Статья поступила 12.02.2018; принята к публикации 21.04.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 12.02.2018; accepted for publication on 21.04.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.